

Камертон мегаполиса

Александр ГНЕСЬ

В СЕВЕРНОЙ ДАЛМАЦИИ

*— Пылало село, —
Вспоминает хорват, —
Он кинулся в пламя,
Советский солдат!*

Сергей Погореловский

Буквально за день до отъезда соседка преклонных лет спросила о наших планах на лето. Узнав, что мы отправляемся в Хорватию¹, она была неприятно удивлена:

– В Хорватию?! Я слышала, что сербы гораздо лучше. Хорваты, по-моему, ближе к фашистам.

Не сказать, что я глубоко задумался над столь категоричным высказыванием, но было совершенно ясно: мы ехали в страну с очень непростым прошлым. В тот вечер я шёл и обдумывал будущую поездку. Моей семье предстояло увидеть осколок государства, десять лет назад окончательно прекратившего своё существование под грохот натовских бомбардировок. А ведь ещё чуть больше четверти века

назад валюта единой Югославии, динар, «наступала на пятки» даже немецкой марке.

Балканский перекрёсток

Кто только ни обживал живописное восточное побережье Адриатики и плодородное междуречье Дравы и Савы! Я просматривал один немецкий путеводитель о Задаре, где перечисляются империи и страны, которым в разные времена принадлежал этот замечательный город, среди них Рим, Византия, Венеция, Иллирийские провинции, Австро-Венгрия, и, наконец, современная республика Хорватия. У меня невольно возник вопрос: а Югославия не в счёт?

В I веке нашей эры практически вся территория современной Хорватии вошла в состав римских провинций Паннония и Далмация, а в IV веке она стала частью Византийской империи².

В середине V века Рим окончательно

¹ ГНЕСЬ Александр Аркадьевич, родился 14 декабря 1973 года в Новосибирске. Окончил Университет Фрззер Вали в г. Абботсфорде, Канада по специальности география. С 2006 года сертифицированный переводчик. В 2008 году получил степень магистра лингвистики в Институте устных и письменных переводчиков Университета Гейдельберга, Германия. Работает ведущим переводчиком в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. В журнале "Новосибирск" печатается с 2006 года: Igen! // ж. Новосибирск. – 2006. – №13. – С. 146–150; Тевтонские заметки, или нужны ли русским альпийские луга? // ж. Новосибирск. – 2007. – № 2 (15) – С. 59 – 80; 2007. – № 3 (16) – С. 36 – 56; 2008. – № 1 (17) – С. 29 – 44; Встречи на земле Нибелунгов // ж. Новосибирск. – 2009. – №1(20). – С. 59 – 80. В журнале "Наш Современник" печатается с 2009 года: Страна, где всё работает! // ж. Наш Современник. – 2009. – №2. – С. 213–238.

но пал под тевтонским натиском. С этого момента развитие Европы пошло по двум разным направлениям, которые спустя тысячелетие проявились в становлении протестантского германского Севера и католического романского Юга. В Хорватии в германском ареале оказалось междуречье Дравы и Савы, а сильное романское влияние ощущается до сих пор в прибрежной Далмации.

Славяне пришли на территорию современной Хорватии в VI веке, а уже в VIII веке хорватские земли были покорены франками. В конце IX века хорваты добились независимости, как от франков, так и от Византии, и наконец, в 925 году князь Томислав принял титул короля. Практически в каждом хорватском городе есть улица или площадь, названная в честь этого правителя. В 1102 году по венгерско-хорватской унии Хорватия попала под власть Венгерского королевства, при этом сохранив значительную степень самоуправления.

Глаголицей, азбукой Кирилла и Мефодия, хорваты пользовались одними из первых среди славян. В Загребе есть уютный католический храм во имя святых Кирилла и Мефодия. Вплоть до начала XX века сутью становления хорватской нации являлась борьба за славянскую идентичность.

В 1241 году Загреб был сожжён Батыем. Но, к счастью, монголы повернули назад, и не потому, что их прогнали, нет. Так складывались обстоятельства внутри гигантской евразийской империи. Было бы несправедливо забыть роль России в спасении европейской цивилизации. **Не прими Русь православия во времена Владимира, Западной Европе пришлось бы столкнуться с азиатскими ордами лоб в лоб.** Между Западом и Великой Степью не было бы уникального религиозно-культурного буфера в виде России, да и России как таковой не было бы тоже.

Испокон веков особенно привлекательным для иноземцев хорватским регионом была Далмация³, узкий прибрежно-островной участок Адриатики, протянувшийся от Черногории на юго-востоке до Словении на северо-западе. В XIII – XIV шла упорная борьба за Далмацию между Венгрией и Венецией. В начале XV века Венеция получи-

ла все Далматинские города, кроме Дубровника. Далмация являлась частью Австрии, начиная с 1797 по 1918 годы. В течение короткого промежутка с 1805 по 1813 годы она временно входила в состав наполеоновских Иллирийских провинций.

После первой мировой войны и распада Австро-Венгрии Истрия, Задар и острова Црес, Лошинец и Ластово перешли к Италии, а остальная территория Хорватии стала частью нового монархического образования под названием Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, позднее переименованного в Королевство Югославия. **Антанта тогда щедро наградила сербов за выстрелы в Сараево.** Вся реальная власть в королевстве принадлежала сербской политической и военной элите.

Лидер Хорватской крестьянской партии Степан Радич, возглавивший борьбу за национальную независимость Хорватии, был убит в 1928 году сербскими националистами прямо в югославском парламенте. После убийства Радича, опасаясь народного гнева, король Александр I Карагеоргиевич объявил чрезвычайное положение и начал «закручивать гайки». Хорватские националисты в долгу не остались: они убили короля Александра во Франции в 1934 году.

В период второй мировой войны на территории бывшей Югославии зверства совершали и хорватские усташе, и сербские четники, и массово вступавшие в СС боснийцы-мусульмане. С уверенностью можно сказать, не опасаясь обвинения в левом экстремизме, что за свободу родного края сражались лишь партизаны: сербы, хорваты, словенцы, боснийцы и македонцы.

После войны последовала эпоха не любимого ныне многими в странах бывшей Югославии, в прошлом героя партизанской войны Иосипа Броз-Тито. Значительная часть сербов придерживается мнения, что хорват Тито делал слишком много поблажек своим соплеменникам, а на родине многие считают его предателем хорватских интересов.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов были приняты поправки к Югославской Конституции, которые резко увеличили права республик. Недалековидные сербы продолжали неограниченно пускать албанцев в Косово. Словенцы,

самые близкие из югославов к Западной Европе, уже интуитивно видели себя в уверенно расширявшей свои пределы Единой Европе. Хорватов беспокоила прежде всего незыблемость пределов их республики с самым выгодным географическим положением на Балканах. В мусульманской Боснии усиливались пантюркистские настроения.

Хорватия, несмотря на свой благодатный климат, море, близость к Западной Европе, не российские расстояния и католицизм, также как и Россия, имеет трагическую историю и не совсем уверенно смотрит в будущее. В нынешнем 2009 году она вместе с Албанией вступила в НАТО. Хорватия ещё не в ЕС, но флаг с жёлтыми звёздочками на синем поле уже уверенно соседствует с государственным флагом над входом в здание городского совета Задара. Вступление этой славянской страны в Евросоюз – лишь дело времени.

Из Сплита в Задар

Во время прохождения пограничного контроля в Сплите меня поразило разнообразие фенотипов пограничников, которых мы увидели. Наши паспорта проверяли представители почти всех европеоидных рас: от динарцев до нордидов. Пограничник с кельтским веснушчатым лицом, похожий на игрока из *Manchester United*, поставил печать в моём паспорте и сдержанно натянул улыбку на дружелюбное благодарственное приветствие «hvala!».

Кельты в Хорватии?! К этому вопросу я вернусь в заключительной части очерка, скажу лишь, что первые племена, иллирийские и кельтские, заселили территорию современной Хорватии уже в эпоху бронзы, то есть уже в XI – X веках до нашей эры.

Получив багаж, мы выехали на комфортабельном автобусе из Сплита в Задар, столицу Северной Далмации. Накрапывал дождик, но это не портило прибрежной панорамы. То тут, то там вдоль дороги, среди южных кустарников, попадались скопления камней. Как я потом узнал, в некоторых местах это были останки разрушенных в войну домов. Сохранившиеся и вновь отстроенные здания выглядят безукоризненно. Зажиточность сельских домов и

прилегающих к ним дворов ощущается в Хорватии повсюду: от Загреба до Задара. Не верится, что в 1994 году здесь громыхала война.

Гомон московских детей на задних сиденьях начинал действовать на нервы. Надо сказать, российские подростки не в лучшую сторону отличаются от своих западноевропейских сверстников по части поведения на каникулах в тёплых краях, да и вообще повсюду в Европе. Невоспитанность и капризы российского молодого поколения из состоятельных семей воспринимаются как необузданный степной ветер, которому тесно на изрезанных средиземноморских берегах, в узких альпийских долинах, в практически стерильных крохотных немецких городках и на унылых, кротких и собранных равнинах северо-западной Европы.

Я задремал. Проснулся от реплики со знакомой фразеологией:

– А это что, горячие хорватские пастухи?

Пожилой пастух переводил отару овец через дорогу. Угрюмо-деловитый водитель притормозил. Он тронулся с места слишком рано и чуть не забыл в далматинской глуши двух москвичек.

Автобус, свернувший в лабиринт узеньких улочек из-за аварии на главной дороге, брал каждый поворот с третьего захода. Пассажиры болели за хорватского водителя, который в буквальном смысле творил чудеса. Как ему удалось не коснуться стен домов не понятно, поэтому все сидящие в салоне от души хлопали его почти ювелирному мастерству.

Дороги в Хорватии просто замечательные! Это подтверждают даже избалованные великолепными автобанами немцы. Забегая вперёд, скажу, что на второй день пребывания в Северной Далмации мы решили съездить в Задар. По пути пришлось объезжать, как в тот момент показалось, безнадежно разрытый перекрёсток. Через четыре дня на его месте не то, что котлована не было, мы проезжали полностью завершённый и функционирующий перекрёсток со светофорами и свежей разметкой. Строительство дорог происходило на территории современной Хорватии ещё во времена господства римлян, и современный автобан из Задара в Загреб пролегает параллельно древнеримскому пути. В 1832 году было

завершено строительство сообщения между Задаром и Веной. Эта дорога используется и поныне.

Наконец, после трёх с половиной часов пути промелькнул дорожный указатель с названием населённого пункта Затон. В этом городке нам предстояло провести две недели.

Славяно-итальянский тандем

Летние вечера, проведённые где-либо в Далмации, относятся к категории незабываемых ощущений. Когда слышишь плеск волн, едва ощутимый шум качающихся крон кедров, звуки немного грустной балканской музыки и видишь подёрнутые лёгкой дымкой острова, возникает чувство, что времена таинственных либурнийских мореплавателей⁹ и гордых хорватских рыбаков сплелись воедино и не дадут вам легко покинуть эти берега. Не отпускают не только берега, не отпускает и теплейшее отношение местных жителей. Далматинцы представляют собой совершенно уникальную славяно-романскую смесь. Это ощущаешь, когда в конце недели заходишь в продуктовый магазин и видишь, как продавщицы от души танцуют под «*O solo mio!*»

Хорваты, живущие на Адриатическом побережье, народ исключительно спокойный и расслабленный. Автобусы здесь опаздывают иногда на 20 минут, причём местные жители воспринимают это как само собой разумеющееся. Один северный немец сказал, что у него в Задарском районе от постоянных опозданий на нервной почве появляется сыпь. Русский турист, услышав об этом, резонно подметил, что ехать в Черногорию этому немцу просто опасно для здоровья, ведь там к времени относятся ещё более либерально, чем в Далмации.

По приезде я позвонил родственникам и продиктовал свой местный телефон. Связаться с номером можно только через регистратуру. Люди, звонившие мне, были вынуждены ждать 12 минут, прежде чем нас соединили. Я пошёл жаловаться в регистратуру, которую здесь, на английский манер называют *reception*. Добродушный парень по имени Лука, смотря на меня своими чёрными глазами, выразившими полное недоумение, широко улыбнулся и сказал:

—Такого больше не повторится. Вы на время попали в рай. Наслаждайтесь.

Один знакомый как-то сказал: «Где хуже климат, там люди проще». К Далмации это заявление не совсем применимо. Здесь в условиях мягкого климата у большинства местных жителей формируется лёгкий характер, хотя и с хитрецей. Если далматинцы сердятся, это у них плохо получается. Им, прибрежным хорватам, не идут даже серьёзные выражения лиц. А потом не следует забывать, что Задар перешёл к Югославии от Италии только после второй мировой войны.

Романское влияние в Задарском районе чувствуется повсюду: в улыбках, привычке поцеловаться при встрече, прекрасных лазанье и пицце, галантности официантов и в архитектуре. Некоторые улочки Задара напоминают Палермо, а когда стоишь у портала кафедрального собора Святой Анастасии, то ощущаешь себя во Флоренции. В юго-восточной части старого Задара, у Городских ворот, представляющих собой величественную триумфальную арку, мысленно переносишься в Рим.

В местном диалекте встречаются итальянские слова. Например, знакомый нам синьор помидор. На хорватском языке помидор будет *rajčica*, и это слово употребляется по всей стране. Слово *pomidor* используется только в Далмации, именно в тех районах, которые длительное время принадлежали Италии. Слово *paradajz* тоже означает помидор, но употребляется в Славонии, на северо-востоке Хорватии. Там в городе Осиек (*Osijek*) целый квартал говорит на венгерском языке. Этим же словом *paradajz* называют томаты в восточной Австрии, где живёт много венгров и северных хорватов. Три слова означают одно и то же в одной стране.

Русский язык на хорватском побережье представлен очень слабо, несмотря на значительную долю российских туристов и хорошее отношение к нашим соотечественникам. Да и друг друга братья-славяне, русские и хорваты, понимают прекрасно, только отвечать не могут. А когда не можешь ответить, и нет возражений, остаётся только улыбаться.

На территории туристического комплекса, где мы жили, можно встретить пояснительные надписи на немецком, английском, итальянском, венгерском, польском и чешском языках, но русского не увидите практически нигде. Это

притом, что поляки и чехи везут с собой всё, вплоть до картошки. Как сказал мой знакомый хорват Марин:

– Поляки и чехи здесь ни одной куны не оставят. Это не русские или немцы, которые в ресторанах питаются.

Но на чешском и польском надписи есть, а на русском языке нет. Это печально, но кого в этом винить? Хорватов? Да Господь с вами! Если о качестве жизни россиянина не заботятся дома, кто будет заботиться о его комфорте за пределами России. Отношение дружелюбное: отдышайте, кушайте при свечах в ресторанах, покупайте сувениры, в России покупайте хорватские медикаменты и всё – дружба навеки! А если туриндустрия в России была бы национально ориентирована, то на встрече с хорватскими партнёрами отечественные туроператоры могли бы поставить вопрос ребром, но с улыбкой: надписям на русском языке быть и никаких гвоздей! Улыбка, даже в благодатной Далмации имеет свою цену...

Идя по Задару

В Задаре плохо только в сильный дождь, в который мы попали в день перед отъездом. Местные говорили, что такого ненастья не было за последние лет пять. В любую другую погоду Задар прекрасен.

Приезжая из города Нин в Задар, мы выходили на остановке, на улице имени Йозефа Штроссмаера. Глава хорватской католической церкви епископ Йозеф Штроссмайер был одним из самых рьяных борцов за славянскую идентичность хорватов. К стати говоря, его портрет изображён на купюре в 10 кун. Одной из целей деятельности Штроссмаера было примирение православных и католиков. Будучи католическим епископом, он выступал против догмата о непогрешимости Папы Римского. Вообще, некоторые историки пишут о его особом интересе к православию.

Если повернуть с улицы Штроссмаера на улицу ранее упоминавшегося Степана Радича и идти на юго-запад, то вы быстро дойдёте до пешеходного моста, ведущего в старый город. В старом городе улица Юрая Бараковича приведёт вас прямо на Народную площадь (Narodni trg). Если прийти туда часов в восемь утра, взять чашечку душистого кофе и сесть лицом к самой площади, вы почувствуете, как пробле-

мы на время исчезают из вашей головы вместе с взлетающими голубями. К слову сказать, первое кафе было открыто в Задаре в 1730 году.

Идя на запад от Народной площади по улице Широкой, вы быстро придёте к Археологическому музею, в двух шагах от которого расположена немного грустная церковь Святой Марии. Выходя из музея, вы обязательно увидите построенную в IX веке церковь Святого Доната, несущую явные византийские черты. В летописях о епископе Донате пишут как о дипломатическом посреднике, служившем в начале IX века при дворе короля франков Карла Великого. По легенде, Донат, проведя удачно переговоры с императором Византии Никифором, получил для Задара реликвии Святой Анастасии, которая с тех пор является святой заступницей города. В честь заступницы назван ранее упоминавшийся кафедральный собор, почти вплотную прилегающий к Церкви Святого Доната. В 1177 году папа Александр III навещил Задар. Уже тогда, встречая понтифика, жители города пели псалмы на хорватском языке.

Задарский университет располагает прямо на набережной. Сдал сессию и прыгай в воду! Австро-венгерские светло-жёлтые тона главного корпуса радуют глаз. И кругом всё та же предельная чистота...

Идя по одной из второстепенных улиц, я обратил внимание на плакат, вывешенный на двери дорогого обувного магазина. На нём был изображён довольно фотогеничный военный, под лицом которого стояла надпись «Негој». Это не кто иной, как Анте Готовина, хорватский генерал, обвиняемый за военные преступления против сербов и уже находящийся в Гааге. Потом листовки с его портретом попадались мне на глаза в разных местах и городках Северной Далмации.

Этот человек, по словам националистически настроенных хорватов, героически защищал Задарский район от сербов. Так же считает и элегантная блондинка с классическим загаром, лет 55, которая, выходя из обувного магазина, обратила внимание на то, что я пытался разобрать содержание плаката. Мы разговорились. Я представился австрийским туристом. Она прекрасно владела немецким языком, ведь училась в Гейдельбергском университете.

– Позор нашему правительству, что оно не давит на Гаагу и не пытается вызволить настоящего героя Хорватии, – сказала она с интеллигентным негодованием.

– Что он сделал для Хорватии? – прикинулся я несведущим иностранцем.

– Он защищал этот район от сербской агрессии. Но Карла Дельпonte поддерживает сербскую сторону и всё делает назло нам, хорватам.

Вот уж откровение! Карла Дельпonte уже поддерживает сербов?!

Далее эта хорватская «патриотка» высказала мнение, по которому этнографическое определение «серб» происходит от латинского слова *servus* (раб). Я же привёл ей мнение добропорядочного американского пастора, по мнению которого английские слова *slave* (раб) и *slav* (славянин) имеют одно значение.

– Ну, знаете, это уж слишком! Мы, хорваты, самые что ни на есть славяне и никогда не были и не будем рабами, – сказала она.

Мы расстались на вежливой ноте.

Кстати говоря, тот самый протестантский пастор в далёком 1992 году размеренно рассуждал о рабской природе славян. Он тогда сравнил русских после падения коммунизма и негров, освобождённых из рабства: «Ни вы, ни они не привыкли принимать решения сами за себя». Трудно себе представить, что подобные ему «духовные» деятели Запада имели свободный доступ к умам и сердцам российской молодёжи в 1990-е годы.

Простой симпатичный рабочий-хорват, занимавшийся ремонтом мостовой и слышавший наш разговор, сказал:

– Анте Готовина – военный преступник. Я считаю, Гаагский трибунал сомнительным заведением, но, может быть, хоть там с него спросят. Славяне, христиане и католики вели братоубийственную войну. Ни сербы, ни хорваты не виноваты. Нас использовали в большой игре. А теперь многие наши политики спят и видят, как удобнее усесться в брюссельских креслах. Мою семью изгнали из Боснии. Боснийские мусульмане преследовали как сербов, так и хорватов.

В этот момент мне вспомнились рассуждения Штирлица о хороших немцах и его вере в будущее Германии. Дай бы Бог, чтобы в Хорватии было больше таких людей, как этот рабочий.

Когда видишь в Далмации добротные дома, ухоженные сады и расслабленных местных жителей, сидящих в тени садов и пьющих сливовицу, очень трудно себе вообразить, что здесь громыхали сражения в 1994 году и что раны ещё не зажили. На многих домах Задара видны следы от снарядов. Следы на стенах можно замазать, были бы деньги, а душевные раны даже время лечит с трудом.

Нин – хорватский Вифлеем

Среди главных городов Северной Далмации, Задара, Нина и Биоградана-на-море, второй занимает особое место. Город Нин был первым политическим, религиозным и культурным центром Хорватии. Один поэт называл Нин хорватским Вифлеемом. В своё время Нин и Биоград были центрами независимого Хорватского королевства. В первом находилась резиденция епископа, а во втором королевский двор.

Миниатюрная церковь Святого Николая, построенная в XII веке, находящаяся в получасе ходьбы от центра Нина, одиноко стоит на холмике, покрытом маками. Она хранит память о временах коронации королей, о многочисленных войнах и с надеждой смотрит на грамотных хорватских строителей, расширяющих дорогу: «У вас же места много, поберегите меня, я вам ещё пригожусь!»

Смотря на старинные церкви времён Византии, я часто ловил себя на мысли, что саксофонист Клинтон, инициировавший бомбардировки Югославии, не мог постичь своим «демократическим» умом того, на что они подняли руку в 1999. Американские лётчики, часто дальше бейсбола и Макдональдса ничего не видевшие, варварски терзали уникальные памятники балканского зодчества.

В центре крохотного ныне Нина особый интерес представляет самый маленький в мире кафедральный собор, церковь Святого Креста. Эта церковь помнит многолюдный рынок, сотни всадников, скакавших мимо, времена, когда внутри её стен не было где и яблочку упасть.

Рядом со Святым Крестом находится местный археологический музей. Служащая музея по имени Юдит, пожилая, смуглая, тучная хорватка сказала на хорошем немецком языке, что

большая часть хорватов – католики, но есть хорваты православные. Православные живут отдельными общинами. Она с явным особым уважением говорила о православных хорватах.

– Православные хорваты духовно ближе к глаголице. Их немного, но они есть. Надо же кому-то хранить наследие Кирилла и Мефодия, – сказала католичка Юдит.

Такое впечатление, что жизнь в Нине в жаркий обеденный день замирает. Только умопомрачительно вкусные запахи готовящихся колбасок и всё те же печальные балканские мелодии напоминают о жизни в этом городе. А вот и гладко выбритый ксендз с аккуратным воротничком мерно беседует с местным пузатым, тяжело дышащим прихожанином у местной действующей церкви. Прошёл торговец козьим сыром. Под сенью орешника сидит старушка в чёрном платье⁶ и что-то вяжет. Жизнь идёт, Нин живёт, но это уже не тот Нин, который бурлил энергией тысячу лет назад.

В магазинчиках, где продают сувениры, продавцы пытаются услужить туристам до самого позднего вечера. Вот и в сувенирной лавочке, находящейся сразу за городскими воротами, полненькая хорватка Мария попросила нас зайти и посмотреть её поделки.

Мария была счастлива увидеть россиян. Она изо всех сил старалась говорить по-русски и уже через десять минут разговора стала рекламировать свой дом. Мария не может его продать уже второй год. Причина – слишком высокая цена. Дом в двадцати метрах от моря, стоящий 150 тыс. евро, трудно продать!

Перейдя из старого города в жилую часть Нина, я пошёл купить молодого вина, а жена с сыном отправились гулять по набережной, с которой вид на Нин, пожалуй, справедливо можно назвать живописным. Именно такие виды помещают в календари, посвящённые той или иной стране, городу или местности. В чём прелесть этого вида Нина – в его уютной простоте и очень удачном сочетании цветов прибрежных строений.

Совершенная гамма звуков и цветов Нина уникальна даже для Далмации. Не знаю, как в другие времена года, но летним ясным утром после ночного дождя кажется, что в этом прибрежном городке как-то постепенно, не разом, просыпается всё живое. Подует

ветер, брызнут капли с кедровой хвои, затем какая-нибудь птица запоёт, и сквозь это пение можно услышать стук падающих на землю кедровых шишек. Усталый за ночь комар пролетит восвояси, и наконец, где-то вддали послышится плеск волн. Возможно, этот ныне крохотный городок так много помнит, что ему не составляет труда представить себя посетителям в лучшем свете.

Хорватский архипелаг

Вдоль побережья Хорватии протянулся архипелаг, состоящий из примерно 1190 островов. Многие из них почти необитаемые, но некоторые знамениты с точки зрения гастрономии. Например, на острове Паг делают вкуснейший качественно выдержанный *пажский* сыр, ставший визитной карточкой Северной Далмации. Ягнятину с хорватских островов не следует солить перед приготовлением – будет пересол, ведь овцы питаются просоленной морем травой.

Ранним утром мы сели на большой экскурсионный катер, шедший на остров Углян, расположенный в восьми километрах от Задара. Плыли примерно пятьдесят минут. Когда берег острова стал ясно просматриваться, поначалу казалось, что он необитаем. Но вот мимо с Угляна прошёл катерок, а спустя десять минут недалеко от нашего судна вынырнул охотник на морских звёзд. У поросшего кедрами берега беззаботно плескались нудисты. Лесная панорама сменилась видами на добротные, светлых тонов особняки, окаймлённые кипарисами. Интересно, что эти дома выглядели скромно, может быть, оттого, что они гармонично вписывались в окружающий ландшафт, а может, из-за отсутствия на острове бедных домов.

На Угляне в середине XV века были основаны церковь и монастырь Святого Еремея. К этому монастырю мы отправились сразу после того, как сошли на берег. Но не так-то просто было в него попасть. Там шла генеральная уборка к приезду кардинала, об этом поведала кроткая маленькая монашка, открывшая ворота, после того как я минут семь с перерывами позванивал в дверь. Мы зашли внутрь и, пройдя мимо изваяния Святой Марии, оказались в уютном саду, благоухающем розами. К сожалению, не удалось по-

смотреть весь монастырь, но всё равно от разговора с монашкой осталось приятное впечатление.

Погоулав по берегу, мы отправились в сторону катера, на котором приплыли. Время ещё было, и пока моё семейство занималось поиском ракушек и крабов, прячущихся в прибрежных камнях, я остановился поговорить с нашим рулевым и его приятелем по имени Домагой.

Рулевой катера был просоленный ветром моряк с орлиным носом. Он был бы похож на пирата, если бы не его добрейшие глаза. Утром, перед отплытием на остров, Хрвое, так звали рулевого, очень гневно разговаривал с кем-то по мобильному телефону о своём паспорте моряка. Уже на борту он объяснил мне, что его документ через два дня будет недействителен и ему срочно необходимо ехать в Задар, чтобы получить новый паспорт. Хрвое показал свое почти просроченное морское удостоверение, синие корочки с якорьком. В ней, на страничке с личными данными, я увидел слово *plave*.

– Город, в котором вы родились? – поинтересовался я.

В качестве ответа он указал на свои добрые голубые глаза. Оказалось, что в этой графе указывался цвет глаз.

Домагой – бывший морской офицер ВМФ единой Югославии. Он прекрасно говорил по-немецки, и мы друг друга не только понимали, но и могли вести разговор.

– Вам надо было сходить с нами на другой остров, Дуги Оток, – сказал, закуривая, Домагой, – там наш бывший форпост.

Название острова прозвучало как-то почти по-японски, что-то вроде *Дугиото*. Мы на эту тему от души посмеялись. Домагой продолжил:

– Японцам сюда идти далеко, а вот НАТО было под боком. Фарватеры подлодок СФРЮ проходили через Дуги Оток, для них там специально строили туннели. Теперь в тех местах проводят экскурсии, а мы члены НАТО. Но я считаю себя югославским офицером флота. Вообще, мы, южные славяне, старые мореходы. Моряк Савва Рагузинский из Дубровника служил вашему Петру I верой и правдой. Ведь Пётр с голландцами по морскому делу советовался, а набирал на службу чаще нас, далматинцев.

Кому только далматинцы не служили верой и правдой! Я вспомнил их героизм в австро-венгерской армии во время Первой мировой войны⁷.

Наш разговор неожиданно вышел на тему борьбы за природные богатства. По мнению Домагой, будущие войны будут вестись не за нефть:

– Пока идут войны за нефть и споры о газе, но не за горами битва за пресную питьевую воду. Вода – это шанс для России, который вам упускать преступно. Ваша власть должна победить коррупцию даже не из моральных побуждений, а чтобы уверенно диктовать мировые цены на пресную воду. У ангосаксов нет воды. В Америке, например, сушь полная за сотым меридианом до узкой полосы на побережье Калифорнии... Бассейны и принятие душа по три раза в день в пустыне Аризона в прямом смысле надрыдают природу. Пока они под видом защитников демократии бомбят непокорных за нефть, как в Ираке, или за никель, как в Косово. Вы ведь знаете, что в Косово находится одно из самых богатых в мире месторождений никеля. Но попомните моё слово, в будущем они будут воевать за воду!

Берега, которые не отпускают

В день перед отъездом небо стало затягиваться тучами. Я проплыл до буйка и, выйдя на берег, решил посоветоваться со спасателем, чем заняться в последний день пребывания в Северной Далмации:

– Будет дождь, самое время напиться в Задаре, – ответил молодой повеса.

Мы отправились в Задар, конечно же, не пить. Хотелось побродить по задарскому археологическому музею. Дошли до него, как раз когда на нас начали падать первые капли. В этом просторном музее можно бродить часами.

Увидев знакомые узоры на орудиях труда и войны, я спросил у служащей музея, не кельтские ли это предметы.

– Нет, до нас здесь были римляне, – с уверенностью сказала она.

Ходившая рядом миниатюрная итальянка, археолог по профессии, когда я отошёл от служащей, эмоционально зашебетала:

– Да, да, здесь были кельты! Они и в Италии оставили свой след.

И тут я вспомнил веснушчатого хорватского пограничника в Сплите. Да, похоже, в своё время кельты обжили этот край основательно. Не понимаю, зачем им было менять Далмацию на Британские острова.

Пасмурный последний день немного упростил расставание с Северной Далмацией: во-первых, примета хорошая – уезжать в дождь, во-вторых, не так жалко оставлять этот благодатный уголок нашей планеты, когда видишь, что щадящее, но вместе с тем щедрое адриатическое солнце взяло короткий отпуск.

Утром, в день отлёта, я зашёл в регистратуру и отдал ключ одному из черных дежурных. На мой вопрос о том, не надо ли нам показать им комнату, в которой мы жили две недели, этот парень по имени Лука с иронией ответил:

– Всё в порядке. За вами нет непоплаченных счетов, и мы надеемся, что вы не забрали всю нашу посуду и полотенца. Sretan put!⁸

В автобусе, идущем в задарский аэропорт, туроператор пыталась что-то рассказать из истории Далмации, но безнадежно сползла на тему покупки недвижимости:

– Здесь непросто, но выгодно покупать недвижимость. Многие наши граждане уже воспользовались этой услугой. Когда-то дом здесь можно было купить за бутылку вина, сейчас ситуация поменялась.

Да, на Балканах ситуация поменялась не только с ценами на дома...

Мы уезжали из Хорватии 21 июня, за день до Дня Антифашизма, который в Хорватии отмечают 22 июня, в день, который predetermined судьбу коричневой чумы.

Июнь 2009 года

¹ Хорватия – государство на северо-западе Балканского полуострова, одна из республик бывшей Югославии. Площадь континентальной части Хорватии 56,5 тыс. км², площадь морской части 31,1 тыс. км². Население Хорватии составляет 4,8 млн человек. Язык сербохорватский. Большая часть жителей страны католики. Денежная единица куна. 1 евро равняется примерно 7,20 кунам. Булка хлеба стоит от 6 до 8 кун. Средняя зарплата по разным оценкам составляет от 2800 до 4000 кун. Стандартная хорватская пенсия 1500 кун.

² Ю. В. Бромлей. Хорватия. Исторический очерк, С. 357, Т. 28, Москва. Изд-во «Советская Энциклопедия», 1978.

³ А. Е. Москаленко. Далмация. Исторический очерк, С. 513, Т. 7, Москва. Изд-во «Советская Энциклопедия», 1972.

⁴ Hvala (хорв.) – Спасибо.

⁵ Либурнийцы – иллириязычное племя, жившее на территории современной Далмации и достигшее высокого мастерства в морском деле в IX – VII веках до нашей эры. Во многих источниках либурнийцы известны как морские пираты.

⁶ Я обратил внимание, что в деревнях и небольших городках Северной Далмации женщины ходят в чёрных платьях и чёрных платках.

⁷ Magenschab H. Der Krieg der Grossvaeter 1914 - 1918. – Wien: Edition S, Verlag der Oesterreichischen Staatsdruckerei, 2. Auflage, 1989, p. 120.

⁸ Sretan put! (хорв.) – Счастливого пути!